

В гарнизоне многие знали, что у Наташки, жены прапорщика Хижняка, неотразимые глаза. Слегка навывкате, как две большие переспелые вишни, они темнели той притягательной тайной, на которую так падки мужики. Наталья знала о чарующей силе своих глаз, и когда кидала томный, затуманенный взор на очередную жертву, была уверена, что та обречена. Мужики посмеивались над близорукостью прапорщика, не замечающего явных измен жены. — Наверное, понял, что не по Сеньке шапка, — злословили они по адресу мужа гарнизонной красавицы.

У Натальи была невысокая точеная фигурка, детские ладошки и «китайская» ножка, что давало повод предполагать о соответствующем размере тайной женской прелести.

Одним словом, Наташка относилась к той счастливой категории женщин, о которых в народе говорят: «Маленькая собачка — до старости щенок».

Слава о Наташкиных прелестях, наконец, достигла ушей нового начальника прапорщика, недавно приехавшего в гарнизон. А тот всегда был не прочь приударить за красивой женщиной.

На Наташкин день рождения было приглашено много гостей, в том числе и франтоватый майор. Его, как самого почетного гостя, усадили рядом с именинницей. Тот галантно подавал ей разные закуски, следил за тем, чтобы не пустовала ее рюмка, зная о том, что пьяная женщина — слабая крепость, а сам все больше увязал в тягучем взгляде ее колдовских глаз. После третьего тоста гости пошли танцевать. Слипшиися пары закачались в томных телодвижениях. Майор тоже прижал к себе маленькую именинницу, уткнувшую милый, курносенький носик в его сосок, проступающий сквозь тонкую ткань рубашки. Он незаметно поглаживал ее спину, опуская руку все ниже и ниже, пока та не замерла на маленькой, мягкой полусфере. Она метнула на него понимающий взгляд и прижалась еще плотнее.

Они танцевали в самом укромном, затененном большом фикусом, уголке. Особенно забавляла майора резинка ее трусиков, которую он время от времени оттягивал и отпускал, отчего раздавался слабый щелчок. Наташка слегка вздрагивала и отвечала щипками. Он глядел в ее повлажневшие глаза и ощущал нарастающее желание овладеть этим гарнизонным чудом в юбке. Музыка смолкла, а они с закрытыми глазами продолжали медленно раскачиваться, пока Наташкина подружка, вертлявая Зойка, не дернула ее за юбку. Майор уже хотел было прильнуть к ее белой шейке, но Наташка слегка отстранилась и, взяв его за руку, повела к столу. Зардевшаяся именинница уселась на свое место, оголив колени. Майор скосил взгляд и увидел аппетитные ямочки на них, проступающие сквозь тонкий капрон. Но его, почему-то, возбудили не они, а зажимы резинок, прикусившие чулки. Майор осторожно положил ладонь на ее коленку и слегка сжал ее. Она искоса глянула на него. Вызывающая улыбка слегка тронула припухлые, пунцовые губки. Наташка еще выше подтянула юбку, зажав его руку между коленями. Майор тут же попытался раздвинуть их, но в этот миг хмельной прапорщик произносил тост в его честь. Майор, несколько смущенный таким откровенным подхалимажем, продолжал усиленно массажировать под столом колено жены подчиненного. Та блаженно улыбаясь, медленно переводила взгляд своих неотразимых глаз то на начальника, то на его подчиненного.

Осушив рюмки и бокалы, гости вновь кинулись танцевать. Теперь их движения стали

намного откровеннее, чем в первом танце. Никто уже особенно не скрывал своих чувств к чужим женам, вжимая их в себя до отказа, лаская их прелести и целуя куда придется. Женщины повизгивали, делая вид, что отбиваются от сексуальных нахалов, а мужья шалуний снисходительно посмеивались, выбирая себе очередную «жертву». Казалось, что тут не было ревнивцев, но как потом узнал наш майор, разборки все же бывали, как правило, по завершению вечеринок. Ведь не секрет, что на следующий день некоторые супруги вдруг заболели, а особенно смелые мастерски маскировали на лицах следы закулисных объяснений.

Подвыпивший майор, наконец, поднялся и шепнул хозяйке, что собирается перекурить. Та понятливо кивнула.

... В коридоре было темно и холодно. Через щели в раме задувало снежинки. Вошедшая Наташка тут же определила местонахождение майора по мерцающей звездочке горящей сигареты. Она ринулась к нему, как бабочка на огонек, и тут же попала в цепкие объятия мужчины. Наташка отыскала его губы и впиалась в них. Майор почувствовал, как ее трепетный, влажный язычок стучится в его зубы и тонкой змейкой заползает в рот. И тут ее рот заработал, как насос, стараясь осушить влажный рот мужчины.

«А она — мастер целоваться, Под американку работает», — отметил майор. В этот момент открылась дверь, и один из гостей обозначился в проеме.

— Пардон, господа. А где здесь ватер-клозет?

Наташка спровадила гостя в нужном направлении и шепнула майору:

— Завтра утром буду у тебя...

— Где?

— Дома.

— Но мне на службу...

— Заболей. Можешь ты хоть раз поболеть?!

— Угу, — глухо промычал майор, чувствуя, как горло перехватывает спазма от желания овладеть этой загадочной женщиной.

На следующее утро майор позвонил в часть и сказался больным. Вскоре у наружной двери послышался подозрительный шорох. Почудилось, что это мышь скребется в углу. Он подошел и распахнул дверь. Наташка была в белой шубке и валенках на босу ногу. Он взял ее за руку и повел в спальню. Он лег в кровать, а она мило улыбалась. Ее глаза-вишни с любопытством разглядывали голого мужчину. Он потянулся к ней, и тут она сбросила шубку и отшвырнула в сторону валенки. Он невольно отшатнулся: перед ним стояла голая женщина необыкновенной красоты. На ее губах застыла загадочная улыбка. Он взял ее за руку и потянул к себе. Она тут же навалилась на него, опрокинув в постель. И тут он почувствовал, как она осторожно овладевает им. Но ее близость не принесла ему жгучей страсти, о которой он с таким нетерпением мечтал со вчерашнего вечера. В заветном месте уже было так мокро и просторно, чего никак он не ожидал от такого миниатюрного, красивого тела. Он сначала даже не поверил этому. Весь процесс протекал так вяло и буднично, как привычная и порядком надоевшая супружеская обязанность перед женой.

«Скорее бы конец», — подумал он.

Она уже тоже поняла, что у них слишком разные «калибры» и работала, словно проститутка, стараясь побыстрее завершить процесс.

— Мы еще встретимся? — недоверчиво усмехнулась она, вытираясь кончиком простыни.

Он слегка кивнул, но было ясно, что подобных встреч больше не будет.

Она ушла, а он клял в душе одного из вчерашних шутников, пьяно шепнувшего ему, что у нее
Это дело — мышинный глаз. Глаз оказался холодной, широкой и глубокой прорубью.

Эдуард Зайцев